

ИСТОРИЯ

УДК 902

А.В. Гордиенко

**К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ СУРГУТСКОГО
И ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э.**

В статье на основе археологических источников рассматривается взаимодействие двух историко-культурных областей таёжной зоны Западной Сибири.

Ключевые слова: Сургут; Нарым; археологическая культура.

Сургутское и Томско-Нарымское Приобье расположены на главной водной магистрали Западной Сибири – р. Обь. Общеизвестная в археологии роль рек как «путей» осуществления контактов древнего населения предопределяла возможность взаимодействия рассматриваемых районов. В эпоху раннего Средневековья в Томско-Нарымском Приобье складывается и развивается рёлкинская культура, выделенная и исследованная Л.А. Чиндиной [1–4]. Взаимодействие и соотношение рёлкинской культуры с южными территориями Приобья неоднократно рассматривалось в литературе [5–7], однако меньшее внимание уделялось связям с северными районами. Между тем специальное рассмотрение вопроса взаимодействия Сургутского и Томско-Нарымского Приобья способствует целостному восприятию историко-культурной ситуации в лесной зоне Западной Сибири в эпоху раннего Средневековья. На решение этой проблемы, в определенной мере, и направлена данная работа.

При определении содержания историко-культурных процессов в Сургутском Приобье для второй половины I тыс. н.э. исследователи используют разные дефиниции – оронтурский этап (VI–IX вв.) нижнеобской культуры [8. С. 138, 185–213; 9], зеленогорский (VI – начало VIII в.) и кучиминский (VIII–IX вв.) этапы Обь-Иртышской культурно-исторической общности [10. С. 66], зеленогорская (VI – конец VII – начало VIII вв.) и кучиминская (конец VII – начало VIII – конец IX – начало X в.) культуры [11], зеленогорский (VI–VII в.) и кучиминский (VIII–IX вв.) этапы нижнеобской культуры [12]. Из вышесказанного видно, что большинство современных авторов подразделяет период второй половины I тыс. н.э. на два этапа (или культуры) – VI–VII вв. и VIII–IX вв., в соответствии с которыми проследим основные моменты культурного взаимодействия Сургутского и Томско-Нарымского Приобья. Культурные связи Сургутского и Томско-Нарымского Приобья в VI–VII вв. прослеживаются на нескольких уровнях – этнических контактов и сотрудничества в распространении предметов импорта.

Этнические контакты рассматриваемых районов можно проследить, прежде всего, обратившись к керамическим комплексам. Рёлкинская культура складывается к VI в. в двух локальных вариантах – нарымском (северном) и томском (южном), которые отличаются соотношением типов керамики. В Томском Приобье преобладает тип I (гребенчатая керамика), в Нарым-

ском – тип II (фигурно-штампованная) [13. С. 19–20; 14. С. 39, 52]. По мнению В.А. Могильникова, «второй тип отражает контакты с северными и северо-западными районами... для которых фигурно-штамповая орнаментация наиболее типична», под которыми подразумевается «население с керамикой карымского и оронтурского типов (IV–V и VI–IX вв. – А.Г.)» [9. С. 228; 15. С. 18]. В материалах рёлкинских памятников прослеживается определенная особенность ее встречаемости, – «штамповая керамика из могил принадлежит в основном женским погребениям... возможно, это было связано с какими-то религиозными взглядами или с особенностями брачных отношений племени...» [16. С. 251]. Таким образом, исходя из отмечаемых исследователями фактов, можно предположить, что носителями фигурноштампованной керамики в Среднеобье могли быть и некоторые выходцы из Сургутского Приобья, проникавшие, преимущественно, на более близкую к рассматриваемому региону территорию Нарымского Приобья, в том числе и вследствие брачных отношений. Проникновение нижнеобского населения (в том числе, вероятно, и из Сургутского Приобья) на Среднюю Обь могло происходить не только вследствие брачных контактов, но и определенных миграций: в VI–VIII вв. памятники с оронтурской керамикой появляются на р. Вах и в верховьях р. Васюган [9. С. 230]. Однако этот процесс не носил односторонний характер: на памятниках Сургутского Приобья выделяется группа керамики конца VI–VII вв., обнаруживающая значительное сходство «с керамикой рёлкинской культуры Нарымского Приобья, особенно с её вторым типом» [12].

Взаимодействие Сургутского и Томско-Нарымского Приобья прослеживается и по немногочисленным сургутским украшениям и принадлежностям костюма. Из материалов Сургутского Приобья известны круглопроволочная несомкнутая серьга и накладка полулунной формы с антропоморфным изображением [17. С. 112, рис. 1–5; 18. С. 160, рис. на шмуцтитуле к гл. 3], считающиеся культурномаркирующими для Рёлки [2. С. 74; 14. С. 66]. Последнее изделие оригинально по своему исполнению и не находит полных аналогов в среднеобских материалах (этого типа украшения, как правило, индивидуальные или парные), однако по форме, оформлению и наличию антропоморфной личины определённо сближается с томско-нарымскими [14. Рис. 32, 26–31, 20, 5; 19. Рис. 21, 4–4а, 63, 1–2, 68, 3–4; 20. Рис. 2, 8–9]. Не исключено, что именно куль-

турными связями с этой территорией объясняется появление в Сургутском Приобье стилизованных орнито-антропоморфных (?) подвесок, где их более реалистичные (и стилизованные) варианты имели широкое распространение [2. Рис. 6, 2, 13, 10, 35, 9–10; 14. Рис. 22, 1–3]. Приведённые факты, на наш взгляд, свидетельствуют о возможности этнических контактов населения Сургутского Приобья и рёлкинской культуры.

В VI–VII вв. на обширном евразийском пространстве распространяется мода на поясную garnитуру так называемого «геральдического стиля» [21. С. 144; 22. С. 102–109]. Как Сургутское, так и Томско-Нарымское Приобье входят в орбиту этого континентального культурного явления, о чем свидетельствуют находки деталей поясов специфического вида. Для Сургутского Приобья возможно было несколько путей их проникновения – с запада и/или юга. Поступление поясной garnитуры «геральдического стиля» с запада в VI–VII вв. было возможно вследствие установившихся в это время контактов с Приуральем и документируется находками в Нижнем Приобье (один из способов осуществления связей с Приуральем) [23. Фото между С. 192–193]. Однако возможно было поступление этих вещей и с юга, где они распространены в соседних потчевашской и рёлкинской культурах [9. Табл. LXXVIII – 38–39, 43–49, 55–57, табл. XCIX – 48–71]. Не исключен вариант проникновения поясной garnитуры «геральдического стиля» параллельно с юга и запада. Однозначно решить вопрос источника поступления вещей этого типа не представляется возможным, однако нельзя и исключить посредничество рёлкинских племен в этом процессе.

В свою очередь, население Сургутского Приобья по отношению к среднеобскому могло выступать в качестве посредника в распространении предметов приуральского происхождения. Как отмечает В.А. Могильников, при участии нижеобского населения на Среднюю Обь проникали вещи из Прикамья, в частности, характерные для VI–VII вв. накладки в виде чело-веко-лося, названные А.А. Спицыным «сулде» [9. С. 230], встречающиеся в Сургутском Приобье [24. С. 134–135, кат. № 76–77].

Таким образом, в VI–VII вв. прослеживается определенное взаимодействие населения Сургутского Приобья и Томско-Нарымского. Однако при сравнении материальной культуры рассматриваемых районов отчетливо прослеживается отличительная особенность, связанная с производством изделий из бронзы – культовых поделок, украшений и принадлежностей костюма, предметов вооружения и быта. Со времени сложения и на протяжении всего существования рёлкинской культуры в VI–IX вв. развивается своеобразный «звериный стиль» [14. С. 54–65]. В Сургутском Приобье время его массового распространения начинается с VIII в. [25. С. 212–220]. Таким образом, среднеобское искусство «звериного стиля» появляется на несколько сот лет раньше сургутского, и возникает вопрос – почему культурные связи Сургутского Приобья с Томско-Нарымским на протяжении VI–VII вв. не привели к началу массового производства бронзовой художественной металлопластики? Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно, этому могли препятствовать разнообразные причины, выяснение кото-

рых – тема отдельного исследования. В контексте изучения культурных связей регионов необходимо отметить, что при указанных нами выше контактах среднеобское искусство «звериного стиля» не дало достаточно-го культурного импульса для самостоятельного становления подобного явления в Сургутском Приобье.

В VIII–IX вв. среднеобской компонент продолжает свое развитие в керамическом комплексе Сургутского Приобья: «...орнаментация раннекучиминской посуды максимально близка керамике предшествующей рёлкинской (позднезеленогорской) группы...» [12. С. 116]. С одной стороны, это говорит об инкультурации рёлкинского компонента, а с другой – не исключает подержание связей со Средней Обью.

Более определенно о культурных связях с Томско-Нарымским районом говорит распространение в Сургутском Приобье украшений и принадлежностей костюма, имеющих среднеобское происхождение. Прежде всего, обращает на себя внимание доминирование в Сургутском Приобье в кучиминское время среди предметов поясной garnитуры накладок сфероконической формы. Как отмечает В.Н. Добжанский, «пояса с круглыми бляхами пользовались большой популярностью во второй половине VI–VII вв. в пределах Средней Азии, Ирана, Восточного Туркестана и Китая», однако «еще ранее, в IV–V вв. в Верхнем Приобье бытовал пояс, украшенный круглыми бляшками, которые типологически, возможно, им предшествуют» [26. С. 31, 35]. Еще в конце XIX в. Т.И. Арне писал о них, что «сводчатые бронзовые пуговицы с ушком на обороте» можно рассматривать «как пережиток скифо-сарматского времени» [27. С. 59]. И действительно, этот вид накладок обнаруживает несомненное сходство с материалами раннего железного века лесостепной полосы Западной Сибири (например, в саргатской культуре [28. Табл. 124, 20, 38, 42–43]). С начала эпохи раннего Средневековья сфероконические накладки «характерны для Средней и Верхней Оби» [2. С. 39], пик их популярности в Сибири приходится на VIII–IX вв. [22. С. 112]. Широкое распространение их в Сургутском Приобье в это же время, с одной стороны, показывает синхронное участие региона в «общеевразийской моде» (термин В.Б. Ковалевской), а с другой – маркирует культурные связи региона с близлежащими южными областями их массового распространения, откуда они могли поступать к сургутскому населению – Томско-Нарымским и Новосибирским Приобьям.

Важно отметить контекст употребления сфероконических накладок в Сургутском Приобье. По своей сущности это ременные накладки, однако в могилах они часто обнаружены в области черепа, на местах глазниц и одиночно в различных частях погребения, что говорит об употреблении их не по прямому назначению (как принадлежностей пояса), а в каких-то иных целях. Сургутские материалы второй половины I тыс. н.э. изобилуют примерами, когда «инокультурные» предметы употреблялись не в соответствии со своим первоначальным назначением. Так, пряжка VIII в. со «сложным медведем» обнаружена в захоронении в качестве подвески [29], части поясного ремня с квадратными накладками находились на запястьях погребенного (т.е. в качестве браслетов), накладка-конь была расколота

на мелкие фрагменты и нашта на очелье [30], детали украшения конской узды использовались как накладки или подвески костюма и др. Как отмечают исследователи, таежное население воспринимало ценности степных культур в качестве культурного эталона, символа престижа и значимости, стремясь к их обладанию или копированию [31. С. 131–132], но в то же время включение инокультурных компонентов в местную среду происходило посредством их переосмысления и нахождения определенного места в традиционной системе ценностей и представлений, причем зачастую функция предмета менялась на противоположную. Так, если в кочевнических культурах пояс его принадлежности говорил об общественном положении и социальном статусе его обладателя, то в тайге он часто приобретал сакральный, магический характер [32. С. 234–235]. Трансформация этого рода, возможно, и фиксируется в данном случае: инокультурные по происхождению изделия использовались не только по прямому назначению, но и в каких-то ритуальных целях.

В VIII–IX вв. Томско-Нарымское Приобье могло выступать для Сургутского и в качестве одного из посредников в распространении степных новаций. Не исключен импорт вместе с рассмотренными сфероконическими накладками и поясной гарнитуры «тюркского» типа, степного вооружения и предметов «далекого» импорта. Прямые свидетельства таких торговых отношений найти сложно, однако косвенно на это указывает взаимовстречаемость некоторых указанных категорий в рассматриваемых районах. В свою очередь, посредством племен Сургутского Приобья в Томско-Нарымское могли проникать приуральские пояса «неволинского» типа [9. С. 230], датирующиеся в Прикамье концом VII–VIII вв. [33. С. 388]. В кучининское время в Сургутское Приобье продолжают поступать специфичные среднеобские формы украшений, о чем свидетельствуют находки бронзовых литых подвесок в виде плоского кольца с каплевидной привеской снизу и петлей сверху. Т.Н. Троицкая включает их в группу украшений «самодийского типа», «характерных

только для рёлкинской и верхнеобской культур» [34. С. 53–56]. Они появляются в Сургутском Приобье в VIII–IX вв. [17. Рис. 2, 22], на X–XI вв. приходится максимальное количество их находок [35. Рис. 20, 106, 181, 247; 36. Рис. 53, 6; 37], в это же время появляются их реплики [35. Рис. 132], существующие и в начале II тыс. н.э. [38. Табл. XLV, 8].

С VIII в. в Сургутском Приобье, как уже было отмечено, начинается массовое производство предметов бронзовой художественной металлопластики, складывается специфический комплекс украшений «обского стиля». Возникновение этого явления сложно и многогранно в плане культурных связей и требует отдельного рассмотрения; в рамках данной темы отметим лишь роль среднеобского компонента в этом процессе. Как неоднократно отмечали исследователи, комплекс украшений «обского стиля» не получил распространения в Томско-Нарымском Приобье [39. С. 93–94; 40. С. 143–151 и др.]. В целом, при сравнении бронзовой художественной металлопластики рассматриваемых районов несомненно сходство по запечатленным сюжетам и формам их воплощения (антропоморфных, зооморфных, «сложных» изображений и т.д.), однако бросается в глаза их разительное стилистическое отличие. Это говорит о возможности влияния среднеобских традиций на становление сургутского варианта искусства «звериного стиля», однако несомненна их определенная дистанцированность.

Таким образом, культурные связи Сургутского и Томско-Нарымского Приобья во второй половине I тыс. н.э. развивались в нескольких направлениях. Во-первых, это контакты этнокультурного характера, проявившиеся в сходстве керамических материалов и, возможно, распространении «этноопределяющих» среднеобских украшений в Сургутском Приобье. Во-вторых, торгово-обменные отношения, сотрудничество в распространении импорта. В меньшей степени культурные связи прослеживаются в развитии искусства «звериного стиля», специфичного в Сургутском и Томско-Нарымском Приобье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиндина Л.А. Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
2. Чиндина Л.А. Могильник «Рёлка» // Вопросы истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 8.
3. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 193 с.
4. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в V до н.э. – IX в. н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1985.
5. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983.
6. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.
7. Плетнева Л.М. Томское Приобье в Средневековье (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук (в форме научного доклада) / Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ; Музей г. Северска, 1996. Новосибирск.
8. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. Обзор и классификация материала // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 58. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
9. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья // Археология СССР: В 20 т. М.: Наука, 1987.
10. Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, УрГУ им. А.М. Горького, 1993.
11. Карачаров К.Г. Средневековье (поздний железный век) // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 48–57.
12. Зыков А.П. Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чаронд, 2006. С. 114–117.
13. Чиндина Л.А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья (АЭП). Томск: ТГУ, 1982.
14. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991.
15. Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985.
16. Чиндина Л.А. Керамика могильника «Рёлка» на Средней Оби // Советская археология. 1970. № 1.

17. *Карачаров К.Г.* Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 112, рис. 1–5.
18. *Чемякин Ю.П., Зыков А.П.* Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004.
19. *Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983.
20. *Плетнева Л.М.* Курганный могильник у деревни Могильники // Из истории Сибири. Вып. 5: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973.
21. *Ковалевская В.Б.* К изучению орнаментики поясных наборов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
22. *Ковалевская В.Б.* Башкирия и евразийские степи в IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
23. *Зеленый Яр:* археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / Под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург; Салехард: УРО РАН, 2005.
24. *Зыков А.П., Кокиаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994.
25. *Федорова Н.В.* Западносибирское Средневековье в зеркале художественного металла (VIII–XIV вв.) // Северный археологический конгресс. Доклады 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Академкнига, 2002.
26. *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990.
27. *Арне Т.Й.* Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой; Под ред. А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005.
28. *Могильников В.А.* Саргатская культура // Стенная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР: В 20 т. М.: Наука, 1992.
29. *Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001.
30. *Карачаров К.Г.* Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002.
31. *Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи в Предуралья (по материалам прикамского костюма) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Предуралья: Матер. междунар. науч. конф. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002.
32. *Ковалева Н.В.* К вопросу о социально-знаковой функции наборных поясов у народов Волго-Камья и Приуралья второй половины I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Предуралья: Матер. Междунар. науч. конф. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002.
33. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 2005.
34. *Троицкая Т.Н.* Украшения самодийского круга в Новосибирском Приобье во второй половине I тыс. н.э. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск: Изд-во ОмГУ, 1993. Ч. 1.
35. *Арне Т.Й.* Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой; Под ред. А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005.
36. *Карачаров К.Г.* Отчет об археологических исследованиях на трассе проектируемой автодороги и ЛЭП от пристани на р. Обь до ВСИ Сургутского НХК в 1990 г. Свердловск // Архив ИА РАН. Р-1, № 14931.
37. *Фонды Сургутского художественного музея:* КП 1616/А-1722-с6; СГ 9802/4.
38. *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н.э. Обзор и классификация материала // МИА. № 58. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
39. *Могильников В.А.* Предметы изобразительного искусства обских угров и вопрос этнической интерпретации керамики вожпайского типа // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во ТГУ, 1985.
40. *Яковлев Я.А.* Первая находка браслетов «обского типа» в Нарымском Приобье // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы конф. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 марта 2011 г.